Василий Кузьминов

Переопределяя государство: исследование государственного видения

Статья посвящена исследованию «онтологии государства» и «государственного видения». Анализируя корпус теоретических построений Дж. Скотта, автор указывает на концептуальные ошибки его схемы мышления, и — прибегая к ресурсам этнометодологии и акторно-сетевого анализа — предпринимает попытку переосмысления и переописания «государства» в категориях современной социологической теории, возвращая тем самым проблематику «оптики государства» в проблемное поле социологии.

Ключевые слова: государство, видение, упрощения, различения, оптика, олигоптикон, метафора, этнометодология, Дж. Скотт, Б. Латур.

На одном из центральных телеканалов во время выпуска вечерних новостей показывают уже успевший стать привычным сюжет — идет демонстрация оппозиции. Телекамеры окружили небольшую группку людей, преимущественно состоящую из пенсионеров. Люди держат транспаранты, на шеях некоторых из них висят листы фанеры: на них наклеены скрепленные прозрачным скотчем бумаги с пестрыми надписями. Камера фокусируется на лице пожилой женщины. Видно, что ее голова покрыта платком. Она направляет взгляд к нам и что-то кричит в камеру. Мы не слышим этого, но зато можем видеть огромный плакат, за которым, как мы теперь понимаем, женщина скрывается как за блиндажом, своевременно высовываясь оттуда и обращая очередную пулеметную очередь из лозунгов и тирад в сторону телекамер. На плакат большими красными буквами, от руки кистью и краской написан вопрос: «Неужели государство не видит наши проблемы?!»

В данной работе находит отражение этот сюжет, эта фокусировка и, прежде всего, этот вопрос: как видит государство? От постановки вопроса зависит дальнейшее построение исследования. И нам важ-

---

Василий Ярославич Кузьминов — социолог (ВШЭ, 2010, степень MA in Sociology Манчестерского университета, 2010). На данный момент обучается в Лондонской школе экономики на факультете философии.

но осознать: *как* государство способно видеть? Здесь можно отметить определенное отличие от вопроса: что видит государство? В данном случае предполагаются разные вопросительные модальности. Когда мы говорим о том, что видит государство, речь идет о распознавании объекта восприятия, о его характеристиках и его значении для конкретного воспринимающего, обладающего собственными чертами. Если же речь заходит о том, как видит государство, то необходимо и понять, в состоянии ли воспринимающий распознавать объект восприятия, способен ли он придавать этому объекту значения и характеристики. Иными словами, в первом случае мы имеем дело с определением онтологии наблюдаемого наблюдателем, а во втором — с определением онтологии самого наблюдателя.

Мое представление об «исследовательских онтологиях» основывается на связке элементарных допущений, которые не будут предметами исследований в данной работе. Во-первых, я считаю, что абстрактная «теория» во многих ключевых аспектах подобна «языку». Так же, как и язык, теория имеет свою грамматику, синтактику, фонетику и т. п. Во-вторых, важно отметить, что «язык» задает пределы познания и восприятия, доступного исследователю. Следовательно, здесь будет уместной философская поговорка: «пределы моего языка означают пределы моего мира». Идея исследовательских онтологий разрабатывает эту поговорку: «мир» состоит из того, что есть и закладывается в исследовательских различениях. Упорядоченная сумма исследовательских различений составляет суть теоретической модели объяснения[1].

1 Похожие интуиции развивает в своей статье Виктор Вахштайн (Вахштайн В. С. По ту сторону постсоветской социологии: парадоксы и тавтологии // Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения / под ред. Пугачева М. С. и Вахштайн В. С. Университетская книга, М. 2009. С. 19–24). Однако между его идеями и моими собственными есть разница. Вахштайн полагает, что «различение» не является точкой отсчета в когнитивном анализе комплекса научных идей. Для него все начинается с донаучного ядра всякого комплекса исследовательских различений. Это начало является «образным». Отсюда точка отсчета смещается к образной составляющей — метафорам, образам, виденим, воображению. Эти идеи кажутся мне проблематичными по одной причине. Для экспликации образного начала комплекса представлений требуется иной комплекс представлений, который устанавливал бы такие различение как 1) научное — не-научное 2) имажинативное — не имажинативное, 3) теоретическое — до-теоретическое и т. д. По этой причине я начинаю с самих различений и считаю, что за ними ничего не скрывается. За онтологией не может стоять ничего, кроме нее самой. В противном случае мы имеем дело с другой онтологией. Однако мое решение не является конечным, оно является прагматическим, т. е. обусловленным насущными проблемами настоящей работы.

Когда мы обращаемся к истории рассмотрения этого вопроса в дисциплинарных рамках социологии, то попадаем в ситуацию необходимости определения теоретической базы. Конвенциональная концептуализация феномена «государства» тесно связана с ролью власти в объяснительных моделях социологии и с идеей трансцендированной социологической структуры[1]. Это создает трудности для поиска ответа на наш вопрос. С одной стороны, когда государство рассматривается в качестве индивидуального действующего, наделенного наибольшей возможной властью, меняется форма вопроса о его способности восприятия. Вопрос о видении приобретает психологические черты. С другой стороны, когда государство мыслится в качестве структуры, это не позволяет нам «заглянуть внутрь» него. В обоих случаях конвенциональная концептуализация государства позволяет искать ответ на вопросы: что становится видимым государству, какое этому придается значение и т. п. Эти вопросы предполагают открытость феномена для обозрения, доступность его внутреннего устройства.

Я предлагаю искать ответы на вопросы не в социологических концептуализациях феномена государства, а в социологических теориях повседневности и практической рациональности. Вопрос о способности видеть связан с областью восприятия. Социологически интересным он становится тогда, когда мы определяем восприятие в качестве социального феномена. Теории практической рациональности могут дать нам способ работы с восприятием как социологическим феноменом. В этом случае мы встречаемся с новой трудностью, правда, меньшей по значимости. Она заключается в отсутствии внимания к феномену государства в рамках этих подходов. Мы постараемся исправить это положение.

Это является необходимым для замещения одного набора теоретических предпосылок другим набором и раскрывает суть того, что представляет собой «переопределение государства». В случае данной работы переопределение не означает разработку новой специфической теории государства, но означает изменение места и значения феномена государства при смене набора ключевых предпосылок.

1 См. работы: Bauman Z., May T. Thinking Sociologically. 2nd Edition. Oxford: Blackwell Publishing, 2001. Ch. 8, Foucault M. Security, Territory, Population. Lectures at the College De France 1977–1978. New York: Picador, Palgrave, 2004, Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1987, Urry J. Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. London, New-York: Routledge, 2000. Ch, 1, ch. 8, где идет работа с понятием государства в терминах этих предпосылок.

Это не детальная теория государства, но определение места «государства» как специфического социологического феномена.

Государственное видение невозможно без постоянной *работы*. За представлением о видении как работе лежит представление об особом характере видения в сложных социальных феноменах. В настоящей работе это находит отражение в использовании концепта «оптик»[1]. В работе мы будем говорить об оптиках, в частности государственных оптиках, как о сложных искусственных механизмах, дающих возможность проводить различия. Это означает, что мы будем разделять феномены, обладающие «естественным видением» (для нас это будут исключительно люди, поэтому мы будем говорить об «антропологическом видении») и феномены, не обладающие «естественным видением», но имеющими необходимость видеть. Именно в этом втором случае мы будем говорить об оптиках — механизмах, подобных слуховым аппаратам, которые заменяют, или, в отдельных случаях трансформируют «естественное видение».

Простейший пример оптики — специальная белая трость, используемая слепыми людьми. Она заменяет людям глаза и предоставляет определенную когнитивную непрерывность перцепции. Трость — простой механизм, а принцип его функционирования обычно не является проблемным. Но даже в этом случае бывает важно устройство такой трости. Например, это не может быть любая трость — у нее должен быть специальный мягкий наконечник, который обладает особым качеством флексибильности[2]. В случае такого сложного феномена, как «государство», его специфические «оптики», их формирование, принцип работы и устройство представляют серьезные проблемы в исследовании.

Важно провести демаркационную линию, разделяющую разные представления о природе государства с представлением о природе оптик. В случае конвенциональных трактовок мы получаем возможность работать с оптиками как производителями различений: мы работаем с ними опосредованно, поскольку мы смотрим

---

1 Для социологии тема оптик не нова. Прежде всего, это работы Никласа Лумана (Luhmann N. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1996) и рецепция им конструктивистской эпистемологии Умберто Матураны и Франциско Варелы (Maturana H. R., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. New York: Springer, 1991). В этой работе не будет затрагиваться эта трактовка «оптик», так как она уводит к теориям систем, которые не будут представлены в данном исследовании.

2 Через такой наконечник слепой человек может получать продолжающееся представление о форме предмета. Таким образом, постоянное «ощупывание» пространства предшествует его осмыслению и замещает работу глаз.

на то и говорим о том, что они делают видимым. Наоборот, когда мы переходим к рамке социологических теорий практической рациональности, аспект, под которым феномен оптики открывается для нашего изучения, меняется: становится доступна суть работы, совершаемой оптическими механизмами.

Парадоксы Дж. Скотта

Джеймс Скотт любит давать своим книгам яркие и провокационные заглавия. Книга, которая нас здесь интересует, не является исключением. Ее английское заглавие — «Seeing like a State», приблизительный перевод на русский которого — «видеть как государство», хотя и термин «seeing» и термин «state», по своим смыслам не столь однозначны этим русским аналогам. Вторую часть названия: «How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed» на русский можно было бы перевести следующим образом: «Как некоторые схемы, направленные на улучшение человеческого состояния, провалились». Символично — и в этом обнаруживается своеобразное интеллектуальное несварение — что русский перевод этой книги[1] полностью меняет название книги. В данном случае оно выглядит как «Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни». Чем вызваны столь сильные изменения? Мы можем только догадываться, переводчик не дает пояснений. Тем не менее, это переводческое вмешательство полностью устраняет для российского читателя проблему «видения» из текста Скотта. Можно конечно возразить, что, несмотря на потерю оригинального названия, эта тематика остается четко выраженной в самом корпусе текста. Так ли это? Нет. Ни в одном из названий частей книги и ни в одном из названий ее глав «видение» не фигурирует. В самом тексте оно остается, но может так случится, что «видение» будет рассматриваться только в качестве второстепенного понятия. Можем и должны ли мы считать такую переводческую вольность безусловной ошибкой?

Попробуем взглянуть на это с другой стороны. Например, антрополог Джеймс Фергюсон в работе «Seeing Like an Oil Company: Spaces, Security, and Global Capital in Neoliberal Africa»[2] критикует Скотта за то, что последний слишком необдуманно переносит логику государственного видения на мир современного капитализ-

1 Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. Университетская Книга. М., 2005.

2 Fergusson J. Seeing Like an Oil Company: Spaces, Security, and Global Capital in Neoliberal Africa // American Anthropologist. 2005. Vol. 107. № 3.

ма, утверждая, что и современные транснациональные корпорации «видят» так, как это делает государство. Фергюсон пишет: «Проблема с таким смешением времен [времени государств-наций и времени глобализации] состоит в том, что оно представляет нам такое видение (vision), в котором „развитие“, „государство“ и „глобализация“ начинают рассматриваться просто в качестве разных аспектов одного процесса. В случае, когда государства-нации применяли власть через технизацию и де-политизирующее стирание локальных особенностей, то тогда речь идет о том, что современная глобализация просто выводит эту агрессию на новый уровень. Подобно тому, как развивающиеся государства однажды попытались создать общенациональные „решетки“ (grids) стандартизации и упрощений, сегодня глобальные корпорации, что выполняют ту же гомогенизирующую операцию на „глобальном уровне“»[1]. Тем не менее, идет ли здесь речь о «видении»? Нет, скорее, о недопустимости перенесения одной логики, специфической для одного «поля», на другое «поле». Видение здесь присутствует постольку, поскольку через него транслируется та или иная специфическая «логика», которая вменяется исследователем тому или иному специфическому феномену, будь то «государство» или «глобальный капитализм» на примере нефтяной компании. *Иными словами, «видение» есть медиатор «логики».*

Я считаю, что в работе Скотта есть логическая ошибка, которая способствует тому, что название работы отходит как бы на второй план, а затем и вовсе исчезает из поля зрения заинтересованного читателя. Эта ошибка четко проявляется уже ближе к концу работы, хотя ее возможность становится актуальной с самого начала в форме *тезиса о противостоянии государства и тех, кто желает избежать его пристального внимания,* который далее развивается как противостояние формального и практического знания. Почему этот тезис содержит ошибку? Потому что Скотт, развивая это противоречие, отождествляет конкретные социальные феномены с теоретическими идеализациями. Это касается, прежде всего, отождествления феномена государства и формального знания.

Если суммировать все то, что Скотт пишет о государственных оптиках, то эту сумму можно будет выразить в форме простой цепи из трех элементов: манипуляции (manipulation), различимости (legibility) и упрощения (simplifications). Эти три понятия суммируют основные ходы логики Скотта.

Манипуляция. Государство осуществляет манипуляцию. Оно придает форму окружающему миру в соответствии с собственными интересами. Государство это power-holder — «держатель власти», причем логически самый крупный power-holder из всех возмож-

1 Ibid., P. 378.

ных (Скотт не отрицает применимости той же логики и для других крупных образований, таких как экономические организации, церкви и т. д.), а это делает его преимущественным, основным и первоначальным объектом для анализа. За «государством» всегда остается решающий ход. «Быть государством», следовательно, действительно что-то значить. Поскольку между государством и любым другим социальным действующим нет разницы для теоретической логики, кроме власти, специфических интересов и целей, подобное «бытие» означает обладание определенной совокупностью властных полномочий, а также интересов и целей. Цель и интерес государства, формирующие мотив реализации содержащейся в нем власти — это само государство: «апроприация, контроль и управление»[1].

Различимость. Различимость — это текущие условия для проведения различений, «условие манипуляции»[2]. Применение власти является осуществлением манипуляции со стороны действующего, т. е. трансформацией условий, не способствующих достижению его целей и его интересов, в условия, соответствующие им: «Не может быть различения без мотива, и не может быть мотива до тех пор, пока содержание не будет рассматриваться как различное по ценности (value)»[3]. Различимость — это свойства того, что есть в мире, что может быть ценным для действующего и его мотивов: «Если цели государства минимальны, у него нет необходимости знать многое об обществе. ... Напротив, если государство амбициозно..., тогда оно должно будет стать гораздо более осведомленным (knowledgeable) и гораздо более интересующимся (intrusive)»[4]. Различимость, таким образом, со-направлена с классификацией. Классифицировать означает располагать элементы условий существования относительно их близости или отдаленности собственным целям и интересам действующего, его мотиву.

Упрощения. Если различимость есть условие манипуляции, то упрощения — условие государственной манипуляции, представление феномена в абстракции, за вычетом некоторых жизненно-важных аспектов данного феномена, которые являются условиями его существования. В этом состоит специфика государственных оптик: они не только дают возможность для наблюдения, но и оформляют наблюдаемый мир, «приспосабливая» их под собственные

1 Scott J. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven and London: Yale University Press, 1998. P. 77.

2 Ibid., P. 183.

3 Spencer Brown G. Laws of Forms. New York: The Julian Press, 1971. P. 1.

4 Scott J. Op. cit. P. 184.

«линзы». Наблюдение, если оно оказывается государственным, является также и политическим действием. Различные карты, статистики, планы, своды правил — это примеры государственных упрощений. Скотт пишет: «Государственные упрощения... представляют собой техники для схватывания большой и комплексной реальности; для того, чтобы официальное лицо смогло понять аспекты [определенного] ансамбля, эта комплексная реальность должны быть редуцирована к схематическим категориям»[1]. Здесь мы снова выходим на особую конфигурацию этих оптик — упрощения необходимы для классификации, которая позволяет соотносить «то-что-есть-в-мире» с реализацией политической воли власти.

Суммируем: если государство, как властный действующий, способно наблюдать только то, что отвечает его мотиву, а сам акт наблюдения является также и актом трансформации, то здесь мы получаем определенную замкнутую и циркулярную систему производства — государство в наблюдении производит самого себя. Таким образом, оно — такая «форма жизни», для которой наблюдения являются формой самовоспроизводства, а самовоспроизводство является формой наблюдения.

Далее, что эта цепь понятий говорит про особую механику «государственных оптик»? Как они устроены? Скотт отвечает (говоря об особенностях государственных карт): «Кадастровая карта во многом очень похожа на застывшую фотографию речного течения. Она отображает отрезки земли так, как они были упорядочены (arranged) и в чьей собственности находились на момент проведения картографирования. Но поток всегда движется... В той степени, в которой эти конкретные изменения затрагивают налоговые оценки, предусмотрено отмечать их на карте или заносить в титульный список. На определенном этапе накопление аннотаций и приписок делает карту нечитаемой (illegible), и тогда более современная, но по-прежнему статичная карта должна быть составлена, а процесс повторен»[2]. Итак, механика государственных оптик это механизм работы фотоаппарата. Государство делает «мгновенные снимки» своего окружения, а длина промежутка между кадрами выражает развитие его государственных упрощений. И хотя Скотт здесь не совсем прямолинеен и последователен — он оставляет место и возможность для «аннотаций и приписок» (впрочем, не объясняя, как они могут быть сделаны) — логика и направляющая метафора все же остаются понятными: «государственное видение» представляет собой серию моментальных фотоснимков, сделанных при по-

1 Ibid., P. 77.

2 Scott J. Op. cit., P. 46.

мощи камеры, которая имеет такую-то и такую-то фокусировку, такие линзы, такую пленку и т. д.

Эта же цепь понятий отвечает не только за формирование оптических механизмов государства, но также и за формирование его категорий знания. Их составляют государственные классификации, которые являются обратной стороной государственных упрощений, и делают объекты различимыми для государства. Скотт называет такие категории формальным знанием, а результат смешения этого знания со специфической формой государственного наблюдения — *формальным порядком*. «Формальный порядок» — это то, что отображается для государства на моментальном снимке его упрощений и классификаций и те изменения, которые происходят в связи с государственным наблюдением: «Строители современного государства-нации не просто описывают, наблюдают и картографируют; они стремятся к тому, чтобы придать людям и ландшафту такую форму, которая будет отвечать их техникам наблюдения»[1].

Настоящая проблема, как пишет Скотт, возникает тогда, когда в основу государственного управления и планирования закладывается утопическое представление. Скотт пишет о «высоком модернизме» — особой идеологии, присущей государственной работе, в основе которой лежит представление о необходимости кардинальных широкомасштабных изменений и перепланировок в обществе и природе, берущих за основу веру в научный и технический прогресс. Тогда «упрощающий» эффект государственных оптик многократно усиливается, что создает возможность для возникновения специфического конфликта между государством и управляемыми.

Это соединение государственных оптик и утопической цели может появиться тогда, когда во власти оказываются пророки, мыслители и предсказатели, которых сам Скотт называет visionaries, т. е. людьми, обладающими vision, особым представлением или воображаемой идеей, которая лежит в основе утопии. Если указать на то, каким образом такие пророки влияют на содержание и работу государственных оптик, то можно сказать, что их утопические представления подставляет хорошо разработанную схему под основу мотива государственных различений — апроприация, контроль и управление получают свое ценностное обоснование в таком утопическом видении.

Подобное многократное усиление государственных оптик порождает то, что можно назвать противостоянием государства и управляемых. Этот сюжет является сквозным для всех работ Скотта, и «Seeing Like a State» не является исключением. В разных работах это противостояние описывается в разных терминах, в разных ко-

1 Ibid., P. 82.

ординатах. В «Seeing...» это противостояние описывается в терминах знания. Так, на центральный план выходят формальное утопическое знание, знание, характеризующее способ существования государства, и локальное практическое знание, которое Скотт называет метисом.

Скотт использует понятие метиса в двух смыслах. В широком — для обозначения любого типа практического знания; и в узком — для обозначения практического мастерства использования обстоятельств в решении насущных практических проблем. В одном месте он пишет, что аналогом метису является английское «cunning», что можно было бы перевести как «находчивость». Метис указывает на мастерство погружения в контекст практической проблемы и решения ее при помощи доступных «подручных материалов». Так, в работе можно найти следующее: «Знать, как и когда применять правила большого пальца (rules of thumb) *в конкретной ситуации* составляет суть метиса»[1].

С одной стороны, нам предлагается обсуждение того, как формируется метис. Скотт пишет, что его формирование у человека невозможно без совершения ошибки. Метис также не может появиться вне определенного локального социального сеттинга, вне конкретных *folkways.* Метис, в широком смысле, является необходимым атрибутом локального социального существования. Метис это знание участника. С другой стороны, Скотт пишет, что метис является исчезающим видом знания. Оно замещается знанием формальным. И поступательное движение формального знания становится возможным благодаря связи между государственным наблюдением и утопическим воображением, основывающейся на идеологии высокого модернизма. Формальные схемы начинают замещать живую практическую рациональность. Эти формальные схемы оказываются, прежде всего, схемами государственного планирования и управления.

В этих терминах, в терминах противостояния формального и практического знания, Скотт описывает конфликт между государством и теми, кто стремится избежать его бдительного взора. Тематика видения к этому моменту уже полностью уходит из актуального повествования и замещается тематикой противостояния разных видов знания.

Почему этот тезис о противостоянии выводит на противоречие, и как проявляет себя это противоречие? «Формальный порядок, — пишет Скотт, — всегда и в некоторой значительной степени паразитирует на неформальных процессах, которые сама формальная схема не распознает, без которой она не может существовать

1 Scott J. Op. cit., P. 316 (курсив автора).

и единственно которую она не может создать и поддерживать ее (схемы) существование»[1]. В другом месте, говоря о разрушении социального контекста, необходимого для формирования метиса, Скотт приходит к знаковой формуле: «Разрушение метиса и его замещение стандартизированными формулами, различимыми только из центра, буквально прописаны в деятельности и государства, и крупномасштабного бюрократического капитализма. Как „проект“, это разрушение и замещение метиса является объектом постоянно возникающих начинаний, которые никогда не оказываются полностью успешными, т. к. ни одна из форм производства или социальной жизни не могут работать при помощи одних формул, а это значит — без метиса. Однако логика, заставляющая двигаться этот проект, это логика контроля и апроприации. Локальное знание, поскольку оно пространственно разнесено и относительно автономно, совершенно не может быть апроприированно. Редукция или, что еще более утопично, уничтожение метиса и локального контроля, который из него следует, являются, в случае государства, предварительными условиями административного порядка и фискальной апроприации, а в случае большой капиталистической фирмы — рабочей дисциплины и прибыли»[2].

Из сопоставления этих двух цитат можно понять конфликт двух социальных онтологий. В описании присутствуют две противоположные формы социального существования — одна формальная, нашедшая здесь свое выражение в государстве и капиталистической бюрократизированной фирме, другая — неформальная, остающаяся, кстати, безымянной или принципиально многоликой. За каждой из форм скрываются определенные теоретические логики, первоначальные принципы, исходя из которых, социальный ученый строит свой анализ и свое повествование. Эти принципы логически не соприкасаются, они формируют разные базовые наборы теоретических предпосылок.

С одной стороны, мы имеем теоретическую логику, которая разворачивается вокруг центрального понятия власти. Действующий постольку является действующим, поскольку он обладает властью, которая только и позволяет ему действовать. Энтони Гидденс лучше всего выразил этот тезис: «Быть человеком значит быть действующим — но не все действующие являются людьми — а быть действующим значит иметь власть. „Власть“ в этом весьма общем смысле означает «трансформативную возможность», способность вторгнуться в данный набор событий для того, чтобы некоторым образом

1 Ibid., P. 310.

2 Ibid., P. 335–336.

изменить их»[1]. Эта логика имплицитно заложена уже в цепи понятий, раскрывающих суть государственных оптик — манипуляции, различимости и упрощений. У государства есть определяющие его действия мотивы, Скотт называет их «апроприацией, контролем и управлением». Эти действия, если они успешны, реализуют власть, которой обладает государство. Поскольку государство оказывается самым большим «контейнером власти», то его действия несут строго необратимый характер, а их последствия значимы для всех остальных действующих. Связывая это с нашими предыдущими рассуждениями о специфической механике государственных оптик, их особый статус можно еще раз выразить через прочную связь между упрощающими описаниями и использованием власти. Так, Скотт пишет: «У государства нет монополии на утилитарные упрощения. Но к чему оно, по крайней мере, стремится, это монополия на легитимное использование силы. Вот почему, начиная с семнадцатого века и по сей день, большинство трансформативных карт были изобретены и применены наиболее мощным институтом в обществе: государством»[2].

Что это значит для конституции особой социальной онтологии? Прежде всего, то, что «власть» здесь рассматривается как своего рода «вечный двигатель», оживляющий социальный мир и заставляющий его играть по своим правилам, а также делающий его доступным для анализа. Можно было бы провести аналогию с ньютоновской концепцией «силы», придающей телам ускорение. Но течение силы не беспорядочно, вернее, становится не беспорядочным с приходом государства. Важно понять логический и теоретический статус «государства» (как концепта). Государство «собирает» всю доступную власть и распределяет ее согласно собственным «представлениям». Появление государства сигнализирует о появлении порядка в мире. Единственное возможное состояние мира до появления государства возможно описать только в терминах «беспорядочной» реализации власти — *Homo homini lupus est*, Гоббсова линия составляет логическую основу этой социальной онтологии. Как только появляется государство, продолжающаяся и непрекращающаяся реализация власти, «течение власти», помещается в русло государственного надзора. Именно оно определяет, куда и как должен течь этот поток (множество таких потоков).

Примат «власти», Гоббсова линия, определяют не только специфическую онтологию социального, но и условия возможности его

1 Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism, Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1987. P. 7.

2 Scott J. Op. cit., P. 87–88.

познания. Если социология «отвечает» за такое познание, то появление административной упорядоченности, выражаемой в фокусировке государственного ока, является предварительным условием ее собственной значимости. Тот же Гидденс выдвигает еще один дополнительный тезис, он пишет: «Государство-нация это общество социолога»[1], это то, что должен исследовать и к чему апеллировать социолог. Политический порядок, таким образом, оказывается условием порядка социального, высшей социальной реальностью оказывается реальность политическая. Что это значит для социологической эпистемологии? То, что она нуждается в особом трансцендентальном субъекте, совершающем акт политической апперцепции. Политическое трансцендирование оказывается одним из условий возможности социологического познания.

С другой стороны, в понятии метиса и его развитии, мы встречаемся с онтологией совершенного иного типа. Эта онтология не завязана на понятии «власти». Если вытащить из рассуждений Скотта о метисе их онтологическую подоплеку, то мы получим следующее: многомерное «лоскутное одеяло» из множества локальных порядков, которые оказываются бесконечно малыми, локальными и бесконечно большими, многократно пересекающимися. Иными словами, мы получим весьма сложное, комплексное и многомерное пространство локальных порядков. Это, например, прочитывается в следующем рассуждении Скотта: «Большинство государств — пишет он — „младше“ обществ, на управление которыми они претендуют. Таким образом, государства сталкиваются с паттернами расселения, социальными отношениями, и производством, не говоря о естественной среде, которые эволюционировали в значительной степени независимо от государственных планов»[2].

Это рассуждение вскрывает несколько больше, нежели иной тип онтологии. Оно также указывает на характер генезиса столкновения между государством и этим множеством локальных порядков. Это столкновение не является следствием простого несовпадения интересов. Оно носит фундаментальный характер. Появление государства не является естественным развитием этих социальных паттернов и отношений. Оно носит характер вторжения. Государство, как его видит Скотт, чуждо этим логикам, оно не может соответствовать им. Государство появляется из ниоткуда, из пустоты теоретической абстракции, сталкивающей два социологических языка, две отличные друг от друга онтологии и два набора базовых предпосылок.

1 Giddens A. Op. cit., P. 172.

2 Scott J. Op. cit., P. 183–184.

Более того, государство в результате этого вторжения также оказывается «нигде». Оно принципиально не дислоцируемо, поскольку не-локально, оно противостоит локальным сеттингам, локальным порядкам, основанным на практическом знании. Классической социологической пространственной метафорой власти является паноптикон[1]. Паноптикон, придуманный Бентамом и актуализированный Фуко[2], представляет собой проект тюрьмы. Тюрьма организованна таким образом, что камеры составляют замкнутый круг и обращены решетками к центру этого круга, который занимает вышка надзирателей. Особенность паноптикона в специфическом распределении перспектив: узники способны видеть только башню надзирателей, но при этом не могут видеть то, что в ней происходит, чем заняты наблюдатели, в то время как последние способны наблюдать за всеми камерами одновременно. В различных работах Скотт пользуется этой метафорой для работы с социальным пространством — в частности вторая глава его последней на данный момент работы «The Art of Not Being Governed»[3] посвящена развитию этого сюжета. Но здесь сокрыта ирония. Центр, который занимает государство, не является местом этого пространства. Между «центром» и остальным пространством проходит логический разлом.

То, что я хочу этим сказать, можно проиллюстрировать на примере различения, которое делает Фуко в своей знаменитой лекции о гетеротопиях[4]. Прежде всего, он выделяет «утопию», которая вообще не имеет отношения к пространству: «Утопии это площадки (sites) без реального места. Это площадки, которые имеют общее отношение прямой или вывернутой аналогии с реальным пространством Общества»[5]. Гетеротопии же это «реальные места — места, которые действительно существуют и которые возникают вместе с появлением самого общества — которые являются чем-то вроде контр-мест, типом эффективно обозначенной утопии, в которой реальные площадки... одновременно репрезентируются, оспариваются и выворачиваются. Такие места лежат вне всех остальных мест, даже, несмотря на то, что можно определить их положение в реальности»[6].

---

1 См.: Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1987; Urry J. Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. London, New-York: Routledge, 2000.

2 Foucault M. On Other Spaces. 1967. Электронный ресурс. Режим доступа: Foucault.info/documents/heterotopia/Foucault.heterotopia.en.html

3 Scott J. Op. cit.

4 Foucault M. Op. cit.

5 Ibidem.

6 Ibidem.

Государство в пространственной метафоре паноптикона (метафоре, которая задает мыслительное пространство для исследователя) располагается где-то между «утопией» и «гетеротопией». Центр, который занимает государство, действительно представляет собой место — оно вписано в пространственную метафору паноптикона, но это место резко отличается от всех остальных. Прежде всего, оно не имеет протяженности — нельзя сказать, где начинается, а где кончается центр (представление о столице, где располагается вся государственная власть весьма условно). Далее, это место не достижимо ни из одного места. Аналогия с паноптиконом здесь оказывается последовательной — государство в принципе недостижимо взгляду. К этому обязывает теоретический постулат о его вне-локальности.

И здесь мы, наконец, можем выйти на специфическое противоречие, заложенное в противостоянии государства и локальных социальных сеттингов. В цитате, которую мы привели в начале нашего обсуждения этого противостояния, Скотт пишет, что всякий формальный порядок не может обойтись без набора неформальных практик. Этот социологический трюизм, как называет его Скотт[1], однако оборачивается им в обертку «паразитизма». «Паразитизм» безусловно, не используется Скоттом в качестве строгого понятия. Скорее это фигура речи. Однако это не значит, что фигура речи ничего не может сказать о перипетиях теоретического размышления. Что есть паразитизм? Такая форма симбиотических отношений между организмами разных видов, где один организм, паразит, выигрывает за счет другого. Значит государство, говорит Скотт, есть паразит, который существует за счет набора локальных неформальных практик, нанося им вред. В другом месте он ставит буквально следующий тезис: «Мы никогда не должны предполагать, будто локальная практика согласуется с государственной теорией»[2]. И если тут встает различие между формальным и практическим знанием, то этот тезис говорит несколько больше, чем можно прочитать. Да, локальная практика не может быть согласована с государственной теорией, так как она основана на практическом знании, но картина государства, которую рисует Скотт, не дает о государстве иного представления, кроме как об особой форме теории, теории наделенной властью и возможностью изменять практические обстоятельства под собственные нужды.

Я полагаю, тезис о противостоянии государства и локальных социальных сеттингов, который выдвигает Скотт и который вскрывает противоречия, заложенные в концепте «государство», является

1 Scott J. Op. cit., P. 311.

2 Ibid., P. 49.

определенной трансформацией более общей проблемы установления отношений между микро- и макро- уровнями социального теоретизирования. Эта проблема не является специфической проблемой социологии, но, кажется, возникает везде, где теоретические усилия сосредоточены в основном вокруг анализа социального действия[1]. Однако тезис, который предлагает Скотт, отличается от традиционных попыток синтеза других решений. Его тезис о противостоянии государства и локальных социальных сеттингов действительно определяет отношение между «микро» и «макро» как отношение конфликта, что уже само по себе создает некоторое напряжение. Но это не главное. Основное отличие лежит в логической парадоксальности. Да, «микро» и «макро» конфликтуют, но это принципиально иной тип конфликта. Это, прежде всего, конфликт теоретических логик, конфликт который еще предшествует всякому действительному определению того, что следует рассматривать как «микро», а что — как «макро». У Скотта эти два момента смешиваются в один. Он рассматривает государство — «макро-объект» в рамках одной онтологии, тогда как «микро-объект» — локальные социальные сеттинги задается в рамках другой онтологии. Более того, Скотт, в отличие от Ю. Хабермаса[2], не находит у конфликтующих сторон общих оснований, он не совершает попытки синтеза, да это и невозможно.

---

1 Например, в случае с экономикой см. работу Мартина Янсена (Janssen M. Microfoundations: a Critical Inquiry. London: Routledge, 1993), в которой особый акцент делается на акционистском характере обоснований в экономической теории.

2 Вот что об этом пишет Хабермас: «Я объяснил симптомы реификации, появляющиеся в развитых капиталистических обществах тем фактом, что медиа-контролируемые субсистемы хозяйства и государства вмешиваются в символическое воспроизводство жизненного мира с монетарными и бюрократическими целями. Согласно нашей гипотезе, „колонизация жизненного мира“ может возникнуть только тогда,

— когда традиционные формы жизни настолько разобщаются, что структурные компоненты жизненного мира (культура, общество и личность) максимально дифференцируются.

— когда отношения обмена между субсистемами и жизненным миром регулируются через дифференцированные роли (для занятости в организованных рабочих местах, для потребительского спроса и частных домохозяйств, для отношения клиентов к государственной бюрократии и для формального участия в процессе легитимации).

— когда реальные абстракции, которые делают доступной рабочую силу занятых и делают возможным мобилизацию голосов электората, переносятся пострадавшими в качестве платы за социальное вознаграждение (в терминах времени и денег)» — Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. II. System and Life-World. Massachusetts: MIT Press, 1987. P. 356.

Итак, время подвести итоги нашему обсуждению работы Скотта. Он начинает с непредвзятого интереса к тому, как устроено «государственное зрение». Его интересует то, как государство способно видеть. Но с самого начала он закладывает связь между концептом «государство» и определенной социальной онтологией, в основании которой лежит представление о «власти», как об актуализирующей способность действующего к действию. В этой онтологии «государство» является предельным случаем действующего — таким действующим, у которого есть предельно возможное «накопление власти». Эта же связь создает установку относительно конечной причины порядка, доступного для социального исследователя в данный момент. Социальный порядок является развитием порядка политического. Это так, поскольку только государство (как «наисильнейший действующий») обустраивает мир согласно своим представлениям. Мы также указали и на то (найдя соответствующие моменты в тексте Скотта), что эти представления содержательно пусты и тавтологичны логическому статусу государства в этой конкретной онтологии. В основе этих представлений лежит мотив «апроприации, контроля и управления», т. е. еще большего, продолжающегося, последовательного и непрекращающегося «накопления власти». В этом смысле, концепт «государство» (именно как концепт, но не как действительный исследуемый феномен) является «идеальным», заключенным в себе элементом онтологии власти, который и показывает ее основные принципы.

Согласно этой связи между феноменом и онтологией (где феномен далее уже не отличается от концепта, выводимого из онтологии), формируется и трансформируется обсуждение тематики видения «государства». Наиболее значительным является то, что «видение», как особый феномен и особая тематика, уходит из развития работы Скотта. Эта происходит потому, что в рамках данной онтологии (набора наиболее базовых предпосылок исследовательского языка) логически не различается «действие» и «видение». Действовать, как мы помним из определения Гидденса, означает реализовывать собственную трансформативную возможность — менять окружение. «Видение» оказывается отлично только тем, что данная возможность действующего есть (в силу разных причин, например в силу отсутствия должного накопления «власти») только в абстракции, в его представлении, соотнесенным с не устраивающим его действительным окружением.

Пожалуй, это слишком хорошо отражается на примере концепта «государство» (что и показывает Скотт). Одной из характеристик, отличающих его от всех прочих действующих, является то, что его наблюдение невозможно просто как видение. Оно сразу и безусловно является действием. Скотт связывает эту особенность с меха-

никой государственных упрощений. Но если пойти дальше, то эта особенность становится вновь ясной как особенность, гарантированная связью между феноменом государства и онтологией власти. «Государство» является «наибольшим действующим», оно не может не реализовать собственные трансформативные проекты, поскольку нет такой преграды, которая могла бы препятствовать этому (нет более «властного» действующего). Здесь мы окончательно теряем тематику видения. «Видение» недоступно государству, оно может только действовать. Оно слишком искрится «властью», чтобы что-то видеть. Такова мораль этой истории, истории «Seeing like a State».

Но обращаться к книге не имело бы смысла, если бы она заканчивалась только этой моралью. Труд Скотта не столь однозначен. В нем есть рассмотренный нами выше тезис о конфликте государства и локальных социальных сеттингов. За действительным феноменом социального анализа здесь скрывается логическое противоречие: противоречие двух непересекающихся наборов элементарных предпосылок исследования. Мы говорили о них в терминах разных онтологий. «Государство», будучи уже проводником «онтологии власти», представляет одну из сторон конфликта, тогда как вводимый Скоттом концепт «метис» выражает иную онтологию практического мастерства. Тезис о противостоянии «государства» и «метиса» (потому что именно «метис» задает логику локальных социальных сеттингов) является парадоксальным порождением исследовательского размышления *in limbo*.

Именно эта неопределенность дает подсказку тому, кто хочет вернуть тематику и метафору «видения» в обсуждение государства. «Метис», который Скотт противопоставляет «государству» на самом деле оказывается удобной стартовой площадкой, для того, чтобы говорить о государстве в терминах видения. Мне кажется, что Скотт неверно противопоставляет «государство» и «метис». Это противопоставление, как я пытался показать выше, обусловлено логическим противоречием двух непересекающихся наборов исследовательских предпосылок, которое проявляется в работе. Так что неплохим началом для возвращения метафоры «видения» при обсуждении феномена государства мне кажется разрешения того логического затруднения (или заблуждения), в котором оказывается Скотт в «Seeing like a State».

Возвращая тематику государственного видения

Как разрешить когнитивное замешательство, выражающееся в сомнительном тезисе о смертельном противостоянии трансцендированной структуры «государства» и локальных порядков «метиса»? Я предлагаю воспользоваться наставлением Брюно Латура — быть

буквально последовательным, и его метафорой — разглаживанием социального (ландшафта)[1].

Латур вводит эту метафору в качестве одного из шагов, направленных на получение последовательно релятивистской социологии, которая бы рассматривала (социальное) масштабирование в качестве своего основного объекта изучения. Для Латура, как и для нас здесь, дуальность структуры и агентности представляет собой проблему. Как и для нас, для него она свидетельствует об исследовательском когнитивном замешательстве. Латур говорит о нем в терминах постоянных «прыжков веры» между «контекстом» и «взаимодействием», которые непременно совершает социальный исследователь в объяснении определенного феномена. На деле, говорит он, и первое и второе являются фикциями, создаваемыми исследователями для «удобного» и «не-затратного» объяснения. В конце концов, эти удобные фикции оборачиваются большими проблемами выбора между Сциллой «детерминизма» и Харибдой «автономности».

Решение Латура радикально. Он предлагает отказаться и от структуры и от агентности. Они являются исследовательскими пред-понятиями и искусственно масштабируют социальный ландшафт a priori. Латур предлагает подходить к социальному пространству как к изначально плоскому: масштабирование — это дело исследуемых, а не исследователей. Дело исследователей изучать, как, где и когда производится это масштабирование. Прежде всего, это касается «структур». Они не трансцендированы. Наоборот, «структуру» производят как структуру, и это производство имеет конкретные места, где расположены его «заводы». Латур касается пространственной метафоры паноптикона, обсуждавшейся нами выше. Для него эта метафора неприемлема. Она описывает рельефный социальный ландшафт: агент власти, например, государство, является трансцендированной объемлющей структурой. Это, пишет Латур, верный признак непоследовательности — внутри паноптической карты нет такой дороги, которая привела бы путешественника из недр локального социального события в высокую башню государства. «Структура» — это парящий замок Мерлина, в который невозможно попасть. Латур предлагает опустить этот замок на землю — локализовать глобальные структуры. Он пишет: «даже лингвисту нужны комната, офис, институт, департамент, коробки с архивами, место для работы, кофе-машина и ксерокс для того, чтобы собрать все элементы, которые были извлечены из тысяч локальных взаимодействий и миллионов речевых актов в лингвистическую структуру. Это верно и для юристов: система права составляется с использо-

1 Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 173–174.

ванием папок, библиотек, встреч и т. д. Даже Карлу Марксу в Британской Библиотеке необходим был стол для того, чтобы собрать грозные силы капитализма»[1].

Эти же рассуждения применимы и к феномену государства. Оно ничем не лучше и не хуже других «структур», которые описывает Латур: язык, право, капитализм. Так же, как и в этих случаях должны быть места, конкретные географические локации — здания, кабинеты, столы — которые служат «практическими лабораториями». В них множество побуждений, суждений, заполнений документов, практических паззлов, споров и т. д. собираются в итоге в то, что кажется столь независимым и одновременно эфемерным, в социологическую «структуру». Метафора «плоского социального» говорит буквально следующее: все, что мы хотим называть «социальным» сделано из одного теста. Так что, например «государственное регулирование рынка» не будет отличаться по своей внутренней организации от «спасения плодового дерева от нашествия вредоносных муравьев через их травлю другим видом муравьев» — один из любимых примеров Скотта, когда он пишет о непередаваемом мастерстве практических обстоятельств, метисе. И первый, и второй феномен является феноменом практических локальных лабораторий. И в первом и во втором случаях есть место тому, что Скотт называет метисом. Чиновник действительно бюрократ, но в непосредственном, буквальном смысле этого слова — бюрократ это тот, чье рабочее место определяется как бюро. Это отнюдь не значит того, что данное место превращает его в бездушную машину. Нет, это точно такое же рабочее место, полное рутины, но полное и множества мелких и больших неопределенностей, проблемных ситуаций и возможностей для реализации собственной «практической хитрости».

Я бы хотел поставить особый акцент на концептах «работа» и «рабочее место». В этнометодологии «работа» неотделима от «практики». В обоих случаях мы имеем определенную концепцию социального действия, концепцию, лежащую в тех рамках, которые мы выше назвали онтологией практического мастерства. Так, оба концепта демонстрируют деликатную игру между неопределенностью с одной стороны и банальностью и повседневностью с другой. В обоих случаях понятность (coherency) действия является следствием практического упорядочивания локальных условий, а также о прагматических основаниях такого упорядочивания: *things are done because something needs to be done*. Но, в отличие от «практики», которая может слишком сильно ассоциироваться с традицией и, как

1 Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 175.

следствие, с государственной функцией пугала для инакомыслящих, «работа» связывается, прежде всего, с организацией порядка в формальных организациях и институтах. Эта организация также является практической.

Концепт «рабочее место» гораздо более интересен. Он отсылает к аспекту *in situ* конкретной практики/работы. Он же задает ее (пространственные) границы: вот здесь действует одна практика, а здесь уже другая. Оба термина представляют собой своеобразные «издержки» этнометодологического исследования: когда индексичность действия, его здесь-и-сейчас конкретность становятся основными характеристиками социального порядка, концептуальная ясность достается дорогой ценой. Скорее, их можно пояснить на примерах. Например, если через очки «работы» мы посмотрим на уличного торговца, продающего хот-доги, то что будет собственно «работой»? Некоторый набор повседневных рутин, сопряженных с изготовлением и продажей хот-догов. Эти рутины трудно систематизировать, поскольку они не представляют проблему. Однако это и является первым свидетельством практической упорядоченности действий этого торговца.

Мысленный эксперимент может быть продолжен. Изменение хотя бы одного ключевого элемента (например, даже такое действие, как перемещение микроволновки, которая служит для разогревания снэка, с левой стороны от продавца на правую) создаст разрезы в рабочем потоке, разрезы, которых не должно быть. Представление о рабочем потоке также важно, как и представление о работе и о рабочем месте. Рабочий поток (workflow) — термин, хорошо известный исследователям организаций. Он указывает либо на то, что работы выполняются более или менее непрерывно, либо на то, что организация не имеет внутренних проблем для собственного функционирования. Работа должна течь, работа это процесс, работа имеет свою собственную, присущую только ей временную модальность. Это интуиции рабочего потока. Например, наш продавец вовлечен в такой рабочий поток. Он имеет перед собой хорошо собранный, не проблемный и «работающий» конструктор из различных операций: действий рук, глаз и заготовленных фраз, помогающих быстрее разобраться с неопределившимися покупателями («Вам чего?», «Могу я посоветовать вам датский или французский хотдог»?) и организовывать очередь («Кто следующий?», «Подождите вот здесь, пока ваш заказ готовится»).

Однако наибольшее отличие «работы» от «практики» связано с повседневным употреблением слова. Работа предполагает цель. Это не значит, автоматически, что мы возвращаемся к образу действия как трансформативного проекта. Нет, в повседневном смысле мы говорим — «у работы есть цель». Прагматически окрашенная цель,

например — собрать стул к приходу гостей [1] или сделать хот-дог и продать его. Можно сказать иначе: цель не определяет конститутивные элементы действия и не предшествует ему, когда действие рассматривается как «работа»; наоборот — та или иная работа имеет цель в качестве одной из своих конститутивных черт. Пример — игра в шахматы. Цель победы в шахматах заложена в наборе других конститутивных черт самой игры: правилах, действующих, их возможностях, месте, времени и т. д.

Я предлагаю рассматривать получившиеся после распада структур локальные социальные порядки в терминах работы, рабочих мест и рабочих потоков. Что это значит применительно к государству?

«Государство» — проблемное понятие. Мы не можем дать содержательного определения государству, сделать его элементом теоретической логики. Но мы можем дать ему формальное определение, редуцировав его к некоторому распознаваемому в рамках нашей логики образу. И тогда мы определим его как организованную совокупность работ. Современное государство, даже если редуцировать его отдельному кабинету министров, представляет собой сложную систему зависимостей и со-обусловленностей. Это та интуиция, которая направляла много исследований, проведенных в рамках акторно-сетевой теории: природа феномена слишком сложна, слишком много вещей обуславливает его бытие. Работы обычно ассоциируемые с государством, составляющие его «суть», к примеру, администрирование населения, — очень сложны, и, несмотря на то, что являются замкнутыми по смыслу, обусловлены множеством других работ, обычно не ассоциируемых с феноменом государства, но без которых его существование и нормальное функционирование было бы невозможно (а потому эти работы в равной степени воспроизводят феномен «государства»).

Это общая ошибка многих теоретиков, критически настроенных по отношению к государству: представлять, будто оно является самоосуществляющимся утопическим планом. Джеймс Скотт не исключение. Для него государство это утопия, мечтающая стать реальностью и люди, имеющие «страстную заинтересованность» (passionate interests) в осуществлении утопического плана. Его «Государство» не простирается дальше королевского двора, кабинета министров и кружка революционных идеологов. Но это определенно ошибочное представление. Мы знаем, что множество государственных чиновников могут не иметь утопического воображения. Мы знаем наверняка, что множество из этих чиновников могут

1 Garfinkel H. Ethnomethodology's Program. Working Out Durkheim's Aphorism. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2002. Ch. 6.

быть отнюдь не воодушевлены страстными утопическими речами государственных идеологов. Они просто делают свою работу, так же, как главы государств и государственные идеологи делают свою. Утопический характер формальных схем порядка, ассоциируемый с государством, не является его «сутью», т. е. не определяет место, характер феномена и логику его функционирования. Утопическое воображение есть только часть, но представляет собой ключевую часть одной из конкретных работ, ассоциируемых с феноменом государства. «Государство» не начинается и не заканчивается на ней; работа приобретает значимость только будучи связанной с множеством других работ.

Для простоты мы можем говорить о государстве как об «организации». Только в этом случае каждая ячейка, каждое звено в этой организации мы будем рассматривать как отдельную работу. Это основной и единственный принцип организации в терминах онтологии работы, которую мы берем за основу. Именно для того, чтобы передать этот сложный характер феномена, нам необходимо было перейти от «классического» представления о «практиках» к менее классическому представлению о «работах». Когда мы говорим о «работе», то мы подразумеваем, что что-то производится, что-то является ее результатом, в то время как «практика» ничего не производит кроме самой себя. Концепт «работа» дает нам ключ к концепту «организация», и этот термин становится различимым для нашей онтологии. В наших терминах «организация» является организованной сетью работ — сетью, волокна которой состоят из множества зависимостей одних работ от других. Границы этой сети определяются исследователем ситуативно. Это необходимое условие для того, чтобы каждая отдельная работа в этой сети не считалась «больше» или «меньше» других работ. Иными словами — для того, чтобы сохранить равенство в значимости каждой работы, их принципиальную сопоставимость. Именно поэтому я вынужден в высшей степени неопределенно говорить о том, что государство представляет собой «на самом деле». Именно поэтому нам нужно представление о «государстве» в терминах латуровской «плазмы» — недифференцированной и ненаблюдаемой «массы» потенциальных еще не устоявшихся связей между феноменами[1].

Получающееся у нас представление об организации также сложно назвать формальным. В конечном счете оно не специфицирует ничто, кроме особой взаимозависимости работ. Поэтому мы не оказываемся привязанными к строгим «organizations studies», которые

1 Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory (Clarendon Lectures in Management Studies). Oxford: Oxford University Press, 2007.

имеют дело с более конвенциональным, более строгим и менее гибким представлением об организациях.

В своей попытке сделать социальный ландшафт максимально плоским, Латур вплотную подходит к обсуждению тематики «видения». Латур пишет об олигоптиках и панорамах. Первые должны прийти на смену социологическому представлению о паноптиконе. Латур обращается к Фуко, говоря о том, что представление о паноптиконе является утопическим, оно свидетельствует в пользу трансцендирования структур. «Мы, — заявляет он далее, — ищем не утопию, но конкретные места на земле. Олигоптики являются как раз такими местами, т. к. они представляют собой полную противоположность паноптикону: они видят слишком мало для того, чтобы поддерживать мегаломанию надзирателя или паранойю наблюдаемого, но то, что они видят, они видят хорошо»[1].

Заметим, что Латур говорит здесь о видении. Какова специфическая конфигурация этого видения? Латур пишет, что олигоптикон зарезервирован для обозначения «центров калькуляции»[2]. Олигоптическое видение является видением, возможным посредством калькуляции — точных, строгих, математизированных операций. Разве не идут эти рассуждения параллельно тому, что Скотт в своей работе говорит о «государственных упрощениях»? Идут, но только у Латура мы не находим и тени подозрения к такой конфигурации. Наоборот, по его выражению, олигоптики видят мало, но видят хорошо. Сами по себе, математические операции не являются признаками какого-либо «доминирования структуры». Они создают очень небольшой локус доступного обозрения. Именно это, по мнению Латура, не дает говорить о мегаломании и паранойе наблюдающих и наблюдаемых. Олигоптики не менее хрупки, чем то, что они могут видеть. Возможность их *работы* зависит от большого числа элементов — хорошо соединенных и хорошо функционирующих. Это здания, помещения, различные машины и т. д. Иными словами, олигоптики работают постольку, поскольку размещены в своих собственных, могущих быть хорошо прослеживаемыми, детально описываемыми и легко разрушаемыми, местах-локациях.

В качестве второго зажима Латур предлагает представление о «панорамах». В соответствии с разрабатываемым им социологическим проектом — построить полностью релятивистскую социологию, он говорит, что «масштабирование» (scaling) является достижением самих действующих. Панорамы — это результаты такого масштабирования, по которым можно судить об «удельных весах» тех или иных

1 Ibid., P. 181.

2 Ibidem.

вещей. Панорамы не только задают масштаб, они еще и обозначают, из чего состоит мир действующего. Они раскрывают его онтологию. В отличие от паноптикона, который также начинается с приставки пан-, т. е. «все», панорама имеет противоположную конфигурацию видения. Она видит все, но в действительности не видит ничего. Латур так пишет об этом: «В отличие от олигоптики, панорамы, как предполагает этимология, видят все. Но они также видят ничего, поскольку они попросту показывают изображение, нарисованное (или спроектированное) на крохотной стене комнаты, полностью закрытой для внешней стороны… Полная упорядоченность это их сила, но также и их основная слабость»[1].

Итак, отличия между паноптиконом, панормами и олигоптиками являются отличиями в аспекте видения. Однако только отличие между олигоптиками и остальным является содержательным отличием, тогда как отличие между паноптиконом и панорамами является только логическим.

Паноптикон, единственная альтернатива, отброшенная после изменения пространственной метафоры в исследовательском языке со «слоистой» на «плоскую», отсылает к такой конфигурации видения, в которой все доступно наблюдению. Эта альтернатива отбрасывается постольку, поскольку постулируется отказ от «структур». Возможность трансцендированной структуры (или «абсолютного наблюдателя») является необходимой для такой конфигурации видения. Только в этом случае видение становится действительным видением, обладающим монополией на правильное определение наблюдаемого. При содружестве трансцендированного видения с онтологией власти в качестве эффекта мы получаем самоустранение самой тематики видения, как это заметно в работе Скотта. Возможность трансцендирования напрямую следует из действительной монополии на власть, т. е. такой монополии, которая постоянно подтверждает свой статус своими действиями.

Панорамы отсылают к противоположной и парадоксальной конфигурации видения. Они видят все, но не видят ничего. Такую картину мы получаем тогда, когда мы забираем у исследователя прерогативу назначения абсолютного наблюдателя. В этом случае исследователь будет иметь дело с «лоскутным одеялом» множеств наблюдателей и противостоящих картин мира. Это будет картиной действительной полной относительности.

Наконец, есть олигоптики. Они представляют наибольший интерес. Их конфигурация видения следующая: они видят мало, но то,

1 Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory (Clarendon Lectures in Management Studies). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 187.

что они видят, они видят хорошо. До этого момента «качество» видения еще не рассматривалось. Можно было говорить либо о наличии, либо об отсутствии «действительного» видения. Что означает внезапное появление «качества»?

Латур говорит о «видении» в двух смыслах, или, точнее, он говорит о двух разных «видениях». Первое характерно для панорам. Здесь оно выступает в качестве картинки или изображения, «проецируемого» внутренним глазом исследователя на голую стену действительности. Второе характеризует олигоптики. Здесь речь идет не о проецировании, но о «считывании» — сложном, хрупком, многоуровневом, продолжающемся. В первом случае мы можем говорить о «видении» как о «gazing», буквально «опрокидывании взора», во втором случае о «видении» как о «seeing». Если проводить аналогии с человеческим глазом, то в первом случае мы имеем в виду проекционную функцию глаза, а во втором — рецептивную. И если во втором случае мы будем говорить о действительном физическом глазе и его строении: глазное яблоко, роговица, хрусталик, то в первом случае речь пойдет о метафорическом внутреннем глазе, или, проще говоря, о воображении. Представление о «качестве» неразрывно связано именно со вторым типом «видения». Но в каком смысле?

Людвиг Виттгенштейн в своих «Философских исследованиях» работает с проблематикой видения. Ближе к концу своих рассуждений он приходит к определенному выводу относительно этого, как он сам выражается, неоднозначного понятия. Он пишет буквально следующее: «Действительно ли я вижу нечто разное каждый раз [когда я смотрю], или я только интерпретирую то, что я вижу разным образом? Я склоняюсь к первому. Но почему? Интерпретировать означает думать, делать что-либо; видение это состояние»[1].

Слова об интерпретации и состоянии здесь не случайны. Для Виттгенштейна видение тесно связано с мышлением. Оно является визуальной перцепцией. Его можно было бы представить как осмысленное восприятие — то восприятие, которое можно назвать сознательным. Соответственно, когда Виттгенштейн говорит о том, что видеть значит пребывать в определенном состоянии, он имеет в виду нечто подобное наличию уверенности, или того, что он впоследствии будет рассматривать под рубрикой «определенности». Наличие определенности во взгляде (и в мышлении) является условием тождественности объекта наблюдения самому себе. Сама тождественность (или не тождественность) объекта проявляется в его описаниях. Соответственно вопрос о тождественности объекта встает как вопрос об истинности его описаний.

1 Wittgenstein L. Philosophical Investigations. London: Blackwell Publishers Ltd., 1997. P. 212.

Итак, по определению Виттгенштейна видение это состояние, и как состояние оно противопоставлено действию, конкретно — «распознаванию». Виттгенштейн рассуждает о том, что значит «видеть» буквально «для тебя и меня», т. е. для определенного человека в определенных обстоятельствах. Но для нас проблема видения стоит несколько иначе: что значит этот термин, когда речь идет о множестве людей? Эта смена аспекта оставляет несколько отпечатков на определении Виттгенншейна.

Виттгенштейн также замечает, что он не занимается вопросами о причинах и устройстве видения. Эти вопросы являются психологическими — они отсылают к внутренней конституции человека, в которую он, как философ, не может заглянуть. Вместо этого он ограничивается концептуальными вопросами — с одной стороны «что значит „видеть“ как концепт?», с другой — «что мы видим?». Мы знаем его ответ — необходимо обратить внимание на использование этого слова в живой речи. Ключ к значению лежит в применении.

Но для нас эти два отношения меняются местами, поскольку меняется принадлежность объекта нашего анализа. Место конкретного человека занимает совокупность людей, занимающихся «делом». И тогда вопросы об устройстве видения, прежде являвшиеся «психологическими», становятся «социологическими». Я использую здесь органицистскую метафору (меняется природа тела, соответственно меняется и природа видения), но не хочу распространять ее дальше этой ремарки.

Что значит «видеть» применительно к «государству», когда последнее мы рассматриваем как организованную совокупность работ? Мы не можем дать однозначного ответа — феномен «государства» в терминах работы не является однородным. Он обозначает определенное, организованное в терминах зависимости, множество «работ». Но мы можем сказать, что значит видеть в терминах конкретных работ. И мы можем сказать, благодаря организованному характеру данного феномена, как устроено это видение и каковы его условия.

Я предлагаю рассматривать «видение», когда речь идет о сложных совокупностях организованных работ, не как состояние, а, наоборот, в качестве процесса. Здесь мы полностью переворачиваем Виттгенштейна с ног на голову, благодаря тому, что меняется природа нашего объекта. «Видение» это постоянное делание, постоянная работа. Только тогда, когда вся совокупность работ, объединенных под эгидой «государства», функционирует слажено, только тогда, когда между ними идет постоянный обмен производимыми элементами[1],

1 Я не говорю здесь о коммуникации между работами. Коммуникация описывает упорядоченное взаимодействие между элементами организации. Но коммуникация предполагает возможность получать и отвечать на со-

только тогда мы можем говорить о том, что «государство» способно видеть и что оно видит.

«Качество видения», о котором говорит Латур, когда он рассуждает об олигоптиках, как раз подразумевает существование таких сильных связей между находящимися на большом расстоянии различными локальными ситуациями. И тогда нам становится понятна его парадоксальная формулировка «панорамы»: она видит все, но не видит ничего, поскольку она не обладает аналогом человеческих «глаз», рецептивным механизмом, который бы связывал ее с внешним миром. Подобно главному герою из новеллы Дэлтона Трамбо «Johnny Got His Gun», «панорама» лишена органов чувств и оказывается внутри собственного безумия, в плену собственного воображения.

Когда вместо отдельного человека мы обсуждаем определенное социальное образование, мы не можем брать его рецептивные механизмы в качестве данности. В случае с человеком мы имеем человеческий глаз и визуальный кортекс (область мозга, отвечающую за когнитивное визуальное восприятие), которые, при прочих равных, остаются для нас непроблемными и недоступными. Однако это не значит, что их стабильная взаимосвязанная работа не была сформирована и не продолжает способствовать поддержанию работы паттерна. Этот паттерн недоступен для нас: мы не можем оценить его работу и разложить по полочкам его структуру, мы не можем ответить, как он сформировался в качестве паттерна. Но это не значит, что этого в принципе нельзя сделать и что этим никто не занимается. Эти паттерны представляют проблемы для биологов, когнитивных психологов и других. Вместо этого мы можем заниматься исследованием социальных олигоптик.

Это возвращает нас к первоначальной метафоре государственного видения, которую поставил Скотт, прежде чем отказаться от дальнейшего обсуждения тематики видения и перейти к обсуждению противодействия государства и тех, кем оно должно руководить. Я напомню, что он сравнивал его с работой фотоаппарата. Как бы в упрек, указывая на разрушительное влияние государства, он утверждал, что получающаяся фотография всегда оказывается статической картинкой реальности, не поспевающей за ее действительным ритмом. Но он упускает несколько важных моментов, когда работает с этой метафорой. Во-первых, если государственное видение это фотографирование, то оно не оканчивается лишь одной фотографией. Фотографирование — это процесс, у него должен быть

общения; она предполагает «открытость системы». В то время как работа является замкнутым образованием. Поэтому речь может идти только о прямой или косвенной зависимости одной работы от другой работы.

свой ритм. Во-вторых, Скотт не учитывает, что сам фотоаппарат выполняет определенную работу, когда мы нажимаем на кнопку для того, чтобы сделать фотографию. Он также состоит из множества деталей, и это множество деталей хорошо организованно, каждая деталь следующая прилажена к другой, она позволяет ей работать. И только это позволяет назвать «фотоаппарат» фотоаппаратом.

Теперь мы можем заняться устройством нашего «фотоаппарата», ритмом его работы, историей подгонки деталей, историей их калибровки, смены линз, пленки и т. д. Это становится доступно нам в тот момент, когда мы опускаем «замок Мерлина» с небес на землю, «выветриваем» окружающую его дымку и, наконец, изгоняем оттуда самого сварливого волшебника.

Библиография

1. *Bauman Z.,May T. Thinking Sociologically. 2nd Edition. Oxford, Blackwell Publishing, 2001.*
2. *Creighton C. A History of Epidemics in Britain from A. D. 664 to the Extinction of Plague, Cambridge. At the University Press, 1891.*
3. *Croizer M. The Bureaucratic Phenomenon. London. Transaction Publishers, 2009.*
4. *Defoe D. History of Plague in London. New York. American Book Company, 1894.*
5. *Fergusson J. Seeing Like an Oil Company: Spaces, Security, and Global Capital in Neoliberal Africa//in American Anthropologist. 2005. Vol. 107, Issue 3. Pp. 377–382*
6. *Foucault M. On Other Spaces. 1967. Электронный ресурс. Взято с Foucault.info/documents/heterotopia/Foucault.heterotopia.en.html*
7. *Foucault M. Security, Territory, Population. Lectures at the College De France 1977–1978. New York, Picador, Palgrave, 2004.*
8. *Garfinkel H. Respecification: evidence for locally produced, naturally accountable phenomena of order, logic, reason, meaning, method, etc. in and as of the essential haecceity of immortal ordinary society (I)—an announcement of studies // Ethnomethodology and Human Sciences, ed. by Button G. Cambridge University Press, 1991. P..10–20*
9. *Garfinkel H. Ethnomethodology's Program. Working Out Durkheim's Aphorism, Oxford, Rowman & Littlefield Publishers. Inc., 2002.*
10. *Garfinkel H. Toward a Sociological Theory of Information. London. Paradigm Publishers, 2008.*
11. *Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism, Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1987.*
12. *Graunt J. Natural and Political Observations made upon the Bills of Mortality. 1662*[1].
13. *Habermas J. The Theory of Communicative Action, Vol. II System and Life-World. Massachusetts. MIT Press, 1987.*
14. *Hutchinson P., Read R., Sharrock W. There is No Such Thing as a Social Science. In Defence of Peter Winch. Aldershot, Ashgate, 2008.*

1 Эта книга была доступна мне в формате электронной книги и не содержала библиографических указаний.

15. *Hobbes T. Leviathan, London, Penguin Books, 1968.*
16. *Janssen M. Microfoundations: a Critical Inquiry. London, Routledge, 1993.*
17. *Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London, The University of Chicago Press, 1980.*
18. *Lakoff J.. Johnson M. Philosophy in The Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York, Basic Books. 1999.*
19. *Latour B. Reassembling the Social; An Introduction to Actor-Network-Theory (Clarendon Lectures in Management Studies). Oxford, Oxford University Press, 2007*
20. *Luhmann N. Social Systems, Stanford, Stanford University Press, 1996.*
21. *Maturana H. R., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living (Boston Studies in the Philosophy of Science), New York, Springer, 1991.*
22. *Moote A. L., Moote D. C. The Great Plague. The Story of London's Most Deadly Year. London. The Johns Hopkins University Press, 2004.*
23. *Ogle W. An Inquiry into the Trustworthiness of the Old Bills of Mortality// Journal of Royal Statistical Society, 1892. Vol. 55, № 3.*
24. *Scott J. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven and London, Yale University Press, 1998.*
25. *Scott J. The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia, New Haven and London, Yale University Press, 2009.*
26. *Sharrock W., Button G. The Technical Operations of the Levers of Power//Orders of Ordinary Action. Respecifying Sociological Knowledge, ed. by Hester S. and Francis D. Ashgate, Aldershot, 2007.*
27. *Sharrock W., Read R. Kuhn. Philosopher of Scientific Revolution. London. Polity Press, 2002.*
28. *Spencer Brown G. Laws of Forms. New York, The Julian Press, 1971.*
29. *Thacker E. The Shadows of Atheology: Epidemics, Power and Life after Foucault //Theory, Culture, Society. 2009, Vol. 26.*
30. *Urry J. Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. London and New-York, Routledge, 2000.*
31. *Wittgenstein L. Philosophical Investigations. London. Blackwell Publishers Ltd., 1997.*
32. *Вахштайн В. С. По ту сторону постсоветской социологии: парадоксы и тавтологии//в Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения под ред. Пугачева М. С. и Вахштайн В. С. М.: Университетская книга, 2009.*
33. *Латур Б. Об интеробъективности//в Социология вещей под ред. Вахштайн В. С. М.: Издательский дом «Территория Будущего», 2006.*
34. *Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.*